

В. С. КРУЖКОВ, В. В. ВИТЮК

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

Вышедшие в 1977 г. книги «Плеханов» М. Иовчука и И. Курбатовой и «Разработка Г. В. Плехановым общесоциологической теории марксизма» Б. Чагина — продолжение, а в некоторых аспектах и итог проводившейся советскими учеными в течение двух последних десятилетий большой работы по анализу теоретического наследия и восстановлению научного престижа Г. В. Плеханова.

Авторитет Г. В. Плеханова как выдающегося теоретика, в острой идейной борьбе отстаивавшего и развивавшего марксистское учение, ныне стоит очень высоко. Однако, как справедливо отмечают М. Иовчук и И. Курбатова (та же мысль проводится и Б. Чагиным), в процессе освоения его теоретического наследия имели место как «неверные попытки апологетики всего того, что было сделано Плехановым», так и «ошибочные тенденции негативного толка», когда вопреки ленинским оценкам трудов Плеханова, особенно философских, некоторые исследователи «отыскивали» в них ревизионизм, метафизику и т. д.¹

При этом авторы исходят из того, что обе указанные тенденции были далеко не равносильны в прошлом и тем более не равнозначны для настоящего. Апологетизм, проявившийся в 20-е годы, тогда же подвергся критике и был полностью преодолен к началу 30-х годов. Что же касается критических устремлений, то они, возобладав в предвоенный период и господствуя в первое послевоенное десятилетие, продолжали и позднее оказывать влияние на подход к теоретическому наследию Г. В. Плеханова.

Негативистские оценки плехановского наследия, доминируя в течение длительного периода, закрепили в научном обиходе и общественном мнении ряд «критических стереотипов», основанных на выделении, абсолютизации, неадекватном толковании отдельных неточных выражений, частных (а подчас и мнимых) ошибок Плеханова, причем подобное толкование нередко распространяется на всю систему его социально-философских воззрений. Образчики его можно встретить даже в таких солидных и массовых изданиях, как «Большая советская энциклопедия», «Философский словарь», учебники по диалектическому и историческому материализму.

Критические стереотипы при оценке взглядов Плеханова обычно исходили из утверждения прямой связи между его тактическими позициями и философскими воззрениями. «Зародыши меньшевизма» выискивались уже в самых ранних плехановских работах; разумеется, что такого рода установки подчас заставляли «ищущих» быть не особенно щепетильными в обращении с текстами выдающегося русского марксиста. Так, в сфере социологической теории Плеханов обвинялся в пе-

оценке роли объективных факторов, доходившей якобы до «географического материализма», в недооценке классовой борьбы, партии, идеологии и даже в игнорировании учения о классовой сущности государства.

Исходя из подобных обвинений, можно было практически перечеркнуть всю теоретическую деятельность Г. В. Плеханова. Но этому препятствовали его неоспоримые заслуги первого исследователя и пропагандиста марксизма в России и оценка этих заслуг В. И. Лениным. Поэтому традиционным стал подход к плехановскому наследию по принципу: «с одной стороны... с другой стороны...» С одной стороны — широкое и глубокое изложение целого ряда принципиальных положений марксизма, с другой — многочисленные «ошибки», «отступления», «ошибки», на которых в основном и акцентировалось внимание. Причиной стало сопоставление взглядов Ленина и Плеханова, которое по существу оказывалось их противопоставлением. Из многочисленных ленинских суждений о Плеханове нередко выхватывались лишь частные критические замечания, толкуемые к тому же неточно, чрезмерно расширительно и обобщенно.

Негативистские стереотипы укоренились столь глубоко, что длительное время продолжали сохраняться даже в работах, пафосом которых являлось восстановление справедливого и исторического подхода к теоретическому наследию Г. В. Плеханова. Самое же главное — позитивная разработка написанного им далеко не всегда сопровождалась спокойным и деловым анализом фактов, использовавшихся при построении негативистских концепций. Поэтому, если поверхностные, надуманные и слишком уж нелогичные обвинения в адрес Плеханова были опровергнуты сравнительно легко, то другие, покоящиеся на более сложных основаниях и требовавшие специального и тщательного анализа, оставались незатронутыми.

Неразобранностью, нерассмотренностью до конца некоторых из действительных ошибок Плеханова, несопоставленностью этих ошибок с всей его мировоззренческой системой, неуточненностью их места в этой системе (равно как и непровергнутостью целого ряда ложных обвинений в его адрес) только и можно объяснить тот факт, что отвергнутые одними учеными суждения и оценки продолжали, а иногда и продолжают появляться в трудах других. В этом отношении поучительна концепция В. Ф. Пустарнакова, с которой полемизирует Б. А. Чагин. Принимая за истину целый ряд традиционных обвинений в адрес Плеханова, В. Ф. Пустарнаков в отличие от многих других сторонников этой позиции не удовлетворился механической конструкцией из «плюсов» и «минусов» и попытался вписать приписываемые Плеханову ошибки в общую систему его мировоззрения, выстроив ее таким образом, чтобы она вобрала как подлинно марксистские, так и «немарксистские» (с точки зрения автора) идеи. По существу В. Ф. Пустарнаков довел до логического конца и систематизировал «негативистские тенденции», которые в других случаях проявлялись неотчетливо или обособленно. В этом своеобразная польза проделанной им работы.

Думается, что одна из ближайших задач нашего «плехановедения» — не просто критика негативистских оценок Плеханова, но и окончательное их преодоление. В этой связи книги Б. А. Чагина, М. Иовчука и И. Курбатовой представляют немалый интерес.

При анализе теоретической деятельности Г. В. Плеханова и оценке его наследия авторы исходят прежде всего из ленинского указания «изучать — именно изучать — все написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма», без чего «нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом»².

¹ См. Иовчук М., Курбатова И. Плеханов. М., 1977, с. 342.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 290.

Такой подход не исключает, разумеется, критического отношения к тем или иным положениям Г. В. Плеханова: изучать — вовсе не значит бездумно преклоняться. Однако главный пафос книг — преодоление еще сохраняющихся негативистских стереотипов, прежде всего попытка «все теоретические ошибки Плеханова в философии и социологии вывести из его меньшевистской политической позиции»³.

К началу 60-х годов пресловутый тезис о «зародышах меньшевизма» был в его общей форме отвергнут большинством серьезных специалистов⁴. Однако мысль о том, что Плеханов «боялся испугать либералов», оттолкнуть их от рабочего движения, шел им на «уступки» еще в 90-е годы, продолжала и продолжает распространяться в нашей литературе⁵.

М. Иовчук и И. Курбатова показывают, что этот традиционный упрек в адрес Плеханова совершенно неправомерен, ибо именно Плеханов выступал в 90-е годы против «запугивания социалистов» «призраком запуганного либерала». Авторы в этой связи цитируют предисловие Плеханова ко второму изданию «Коммунистического манифеста» (1900 г.). Впервые же этот тезис Плеханов сформулировал в работе «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России», написанной в 1892 г.⁶ Следовательно, вовсе не пресловутой боязнью «запугать» либералов, но иными, более существенными соображениями было обусловлено стремление Плеханова к совместным с нарождающимся либеральным движением действиям в борьбе против царизма и феодализма. Работа В. И. Ленина «Задачи русских социал-демократов», его письмо к А. А. Якубовой от 1900 г. (в нем, в частности, сказано: «Революционеры... нигде и никогда не советовали поворачиваться спиной к обществу»⁷) показывают, что точки зрения В. И. Ленина и Г. В. Плеханова на этот вопрос в 90-е годы были значительно ближе, чем принято думать. Об этом еще в 1925 г., полемизируя с Н. Ангарским, писала А. И. Елизарова-Ульянова⁸. К сожалению, все эти убедительные факты долгое время не принимались во внимание, как противостоявшие господствовавшей предвзятой концепции. М. Иовчук и И. Курбатова подчеркивают, что вопрос об отношении социал-демократии к либералам в 90-х годах стоял иначе, нежели в начале XX в., и с этой позиции они объективно и конкретно-исторически рассматривают точку зрения Плеханова.

Анализируя соотношение меньшевистской тактики Плеханова с его общетеоретическими позициями, Б. А. Чагин опирается на указание В. И. Ленина: «Тактика его — верх пошлости и низости. В философии он отстаивает правое дело»⁹. Автор впервые дает убедительное объяснение данному противоречию в мировоззрении Плеханова. Исходя из законов развития идеологии, подробно разработанных именно Г. В. Плехановым, он подчеркивает: «Наиболее абстрактные формы общественного сознания, связанные через многие последующие звенья с практическими отношениями классов, в меньшей мере испытывают влияние этих последних. У Плеханова это относится к философским взглядам и

наиболее общим проблемам исторического материализма, где влияние его изменившейся политической позиции сказывается в значительной меньшей степени». Есть и еще одно обстоятельство, справедливо замечаемое Б. А. Чагиным: «специфическая позиция Плеханова в меньшевизме»¹⁰, о которой в свое время писал В. И. Ленин. Примерно в том же духе решают данную проблему М. Иовчук и И. Курбатова¹¹.

Думается, однако, что это решение могло бы быть полнее, если бы авторы учли и выдвинутое В. И. Лениным в «Детской болезни „левизма“ в коммунизме» положение, что многие «высоко ученые» вожди социал-демократии «учились и других учили марксистской диалектике», но не сумели творчески применить ее в новых условиях, не смогли учесть быстрой перемены форм и быстрого наполнения старых форм новым содержанием»¹². В частности, гносеологическая концепция Плеханова формировалась на материале естественных наук XIX в. и тесно переплеталась с ним. Им он оперировал и им ограничивался, выступая в защиту диалектического материализма от махистских спекуляций на «открытиях новейшей физики. Видимо, поэтому он не придал должного значения новым научным идеям и просмотрел революцию в естествознании, не понял необходимости придать материализму, говоря словами Энгельса и В. И. Ленина, «новый вид».

Не оценил Плеханов в полной мере и своеобразие эпохи империализма, новых возможностей, открывшихся в этих условиях перед революционной социал-демократией. В результате он переносил на предстоящую русскую революцию свои, сложившиеся на опыте освободительных движений в Европе эпохи классического капитализма, представления о традиционной последовательности и разделении во времени демократических и социалистических преобразований. Если значение новых открытий в естествознании Плеханов сумел оценить позднее¹³, то в политике он не только оставался на старых позициях, но по мере развития событий усугублял свои ошибки.

В целом же, как подчеркивают авторы обеих книг, Плеханов исподудя и проводя ошибочную тактику, в общетеоретическом плане оставался верен марксистскому учению о социалистической революции. Выступая против реформизма и указывая, что выбор форм революционного преобразования определяется конкретными историческими условиями, Плеханов писал: «Но характер господства, — а диктатура и есть господство, — не изменяется, по крайней мере существенно не изменяется, от того, каким путем пришли к нему. Все дело в том, что оно необходимо»¹⁴.

Известно, что Плехановым был выдвинут по отношению к Декабрьскому восстанию в Москве ошибочный тезис: «не надо было братья оружие», но, как справедливо показывают М. Иовчук и И. Курбатова, оценивая этот тактический тезис, следует иметь в виду, что на определенных этапах революции 1905 г. Плеханов был сторонником вооруженного восстания.

Важным моментом в работе М. Иовчука и И. Курбатовой, как авторов, выступающих в серии «ЖЗЛ», явилось восстановление объективного подхода к личности Г. В. Плеханова. Дело в том, что с легкой руки авторов некоторых мемуаров о нем сложилось представление как о замкнутом кабинетном работнике, преимущественно литераторе, а не политическом борце, абстрактном теоретике, этаком «барине» в рядах рабочего движения. Порожденное обостренной фракционной борьбой,

¹⁰ Чагин Б. А. Указ. соч., с. 14, 15.

¹¹ См. Иовчук М., Курбатова И. Указ. соч., с. 210.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 87—88.

¹³ См. Плеханов Г. В. Соч., т. XVIII, с. 320.

¹⁴ «Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова». М., 1973, т. 1, с. 89.

³ Чагин Б. А. Разработка Г. В. Плехановым общесоциологической теории марксизма. М., 1977, с. 13—14.

⁴ См.: Жуйков Г. С. Группа «Освобождение труда». М., 1962; Мицуров В. В. Критический Ю. М. Российское рабочее и социал-демократическое движение 70-х — начала 90-х годов в советской исторической литературе. — В сб. «Советская историография классовых борьбы и революционного движения в России». Л., 1967.

⁵ См., например, Шириков Л. В. Борьба В. И. Ленина против ревизионизма в период создания марксистской партии в России. — В сб. «Из истории борьбы ленинской партии против оппортунизма». М., 1966.

⁶ См. Плеханов Г. В. Соч. М., 1923, т. III, с. 417.

⁷ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, с. 58.

⁸ «Известия ВЦИК» № 72, от 28/III 1925 г.

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, с. 135.

это представление служило психологической основой тезиса об «органической предрасположенности» Плеханова к оппортунизму.

М. Иовчук и И. Курбатова, опираясь на реальные факты биографии Г. В. Плеханова, выявляют истинный характер человека, которого В. И. Ленин одно время считал «настоящим якобинцем» (скажем прямо, не будучи профессиональными писателями, они сделали это куда суше, чем позволяет историко-биографический жанр). Сам их подход к личности Плеханова имеет принципиальное значение. В работе М. Иовчука и И. Курбатовой Плеханов выступает как натура страстная, чрезвычайно активная, боевая. Они придают должное значение таким особенностям судьбы Плеханова, без учета которых иные его действия получали ложное истолкование.

Так, например, Плеханова упрекали в том, что во время революции 1905 г. он оставался за границей, считая это косвенным доказательством его «неверия» в успех революции. Между тем Г. В. Плеханов с тридцатилетнего возраста был тяжело болен. Уже громадный литературный труд этого человека, не дававшего себе никаких поблажек и работавшего буквально при любом состоянии здоровья, был своего рода подвигом. М. Иовчук и И. Курбатова показывают, с какой силой рвался Плеханов в Россию, однако в этот момент наступило угрожающее обострение его болезни и ему пришлось надолго лечь в больницу. Жаль, что авторы оставили вне поля зрения ряд фактов, которые могли бы обрисовать образ Плеханова еще более ярко и выпукло, — например, эпизод выступления Плеханова на одном из собраний политических эмигрантов, когда он упорно продолжал свою речь под направленным на него дулом револьвера кавказца-анархиста, требовавшего не говорить о диктатуре пролетариата!

* * *

В книге Б. А. Чагина, охватывающей все основные стороны социально-исторических воззрений Г. В. Плеханова, хочется выделить два основных момента. Во-первых, автор принципиально не согласен с тезисом о недооценке Плехановым значения субъективного фактора в истории. В этой связи в книге подробно освещается разработка Г. В. Плехановым проблемы диалектической связи экономики и политики, экономики, идеологии и психологии, взаимодействия надстроек «высшего» и «нижнего» порядка. Во-вторых, автор полемизирует с теми, кто считает, что Плеханов неправильно решает вопрос о соотношении природы и общества, географической среды и способа производства.

Полемика, прямо скажем, давно назревшая и необходимая! И не только из-за того, что пора уже по достоинству оценить взгляды Плеханова на эту проблематику, но еще и потому, что традиционный упрек в «географическом детерминизме» влиял на представление о всей системе социологических воззрений Плеханова, о его якобы неверном подходе к общественно-историческому процессу.

Б. А. Чагин показывает, что у Плеханова «взаимодействие производственных отношений и производительных сил является причиной социального движения, имеющего свою логику и независимые от естественной среды законы»¹⁵. Географическая среда играет существенную роль на всех этапах развития человеческого общества, однако «взаимоотношение между общественным человеком и географической средой чрезвычайно изменчиво. Оно изменяется с каждым новым шагом, достигнутым развитием производительных сил человека»¹⁶. Критики Плеханова не желали считаться с тем, что в борьбе за материалистический

¹⁵ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв. в 5 томах. М., 1956—1958, т. II, с. 156.

¹⁶ Там же, с. 157.

материализм Плеханов при анализе проблемы «природа и общество» наибольшее внимание уделял истории возникновения человека и развития первобытного общества. Они обособляли формулировки, относящиеся именно к этому этапу истории, и придавали им абсолютизированный, внеисторический смысл.

Между тем позиции Плеханова недвусмысленны, и, думается, вполне прав Б. А. Чагин, делая четкий вывод, что Плеханов первым из марксистов «со всей тщательностью и обоснованностью анализировал роль географической среды в развитии общества и... обосновал диалектику этого взаимоотношения»¹⁷. Не только обосновал, добавим мы, но и применил в конкретном социальном анализе, в частности в работе «Всероссийское разорение», где рассматривается взаимодействие природных и социальных факторов, приведших к голоду 1891—1892 гг. в России.

Существенное достоинство обеих книг — четкая, свободная по двум смысловым и неопределенности позиция авторов по отношению к теории познания Плеханова. Это очень важно, ибо даже в ряде серьезных работ, выпущенных сравнительно недавно, Плеханова продолжают традиционно упрекать в субъективизме и агностицизме, в непонимании существа марксистской диалектики и упрощенном представлении о философском материализме¹⁸.

Как известно, процесс высвобождения от негативистских стереотипов по отношению к теории познания Плеханова развивался затруднено, ибо «нероглифическая» ошибка — факт бесспорный, представляющий большие возможности для критических толкований. По работам того же Б. А. Чагина, сыгравшего значительную роль в исследовании философских взглядов Плеханова, можно проследить основные этапы теоретической реабилитации Плеханова в сфере гносеологии. Разделяя в конце 30-х годов традиционный подход к мировоззрению Г. В. Плеханова, Б. А. Чагин, как и другие авторы, делал упор на «ошибки», серьезные «уступки» агностицизму и «непоследовательность» Плеханова. В 50—60-х годах Б. А. Чагин сосредоточил свое внимание на теоретических заслугах первого русского марксиста. Критические стереотипы еще сохранялись в его работах, но уже в значительно смягченном виде. От крайних истолкований плехановского иероглифизма он переходит к оценкам более осторожным, указывая на принципиальную правильность плехановского «решения основных положений теории познания», и говорит лишь о «некоторых уступках» Плеханова агностицизму, о «неточных формулировках в духе „теории иероглифов“», о «соскальзывании» с позиций теории отражения¹⁹. В работах последнего периода, и в частности в рецензируемой книге, Б. А. Чагин уже окончательно снимает тезис о каких-либо «уступках агностицизму» и подчеркивает, что Плеханов вел с ним непримиримую борьбу с позиций последовательного материализма.

Такая позиция безусловно справедлива, однако в одном отношении уязвима. Утверждая мысль о последовательности плехановского материализма, Б. А. Чагин просто выводит из сферы читательского внимания «теорию иероглифов». Уточняя свою оценку плехановского иероглифизма, исправляя ее на более объективную, он не подвергает критическому пересмотру прежние свои суждения. Более справедливо оцененный или просто снятый, как деталь малосущественная, иероглифизм тем не менее остается фактом научной биографии Плеханова, заслуживающим специального истолкования, тем более что в сравни-

¹⁷ Чагин Б. А. Указ. соч., с. 77.

¹⁸ См., например: Кедров Б. М. В. И. Ленин и революция в естествознании XX века. М., 1969; Михайлова И. Б. Чувственное отражение в современном научном познании. М., 1970.

¹⁹ Чагин Б. А. Из истории борьбы против философского ревизионизма в германской социал-демократии. М.—Л., 1961, с. 130.

тельно недавнем прошлом он являлся объектом систематической критики и на нем базировались многие ныне опровергаемые выводы.

Из работ Плеханова явствует, что его обращение к «теории иероглифов», заимствованной им непосредственно у Сеченова, предопределялось прежде всего логикой теоретической борьбы. Опираясь на авторитет Сеченова, он стремился использовать его материалистические идеи в полемике против кантианства, пытавшегося приписать марксизму вульгарную мысль о тождестве материи и сознания. В 1905 г. он сам отказался от понятия «иероглиф», осознав возможность его двусмысленного истолкования²⁰. На эту сторону дела в нашей научной литературе до сих пор не обращено должного внимания.

Б. А. Чагин отмечает, что Плеханов «всегда подчеркивал неразсторжимое единство философии и социологии, указывая на диалектический материализм как на исходное методологическое основание для понимания истории». Это принципиально отличает его от Каутского, который, занимая иную позицию, писал Плеханову, будто «можно быть в некотором роде неокантианцем и признавать историческую и экономическую доктрину марксизма»²¹.

Через все философские труды Плеханова красной нитью проходит борьба за цельность марксистского мировоззрения против попыток «дополнить марксизм» другими теориями, которые, как писал Плеханов, «по немецкому выражению, бьют его по лицу». И однако, в литературе, посвященной теоретической деятельности Плеханова, до сих пор не изжито до конца мнение, якобы Плеханов «далеко не всегда» стоял на указанной позиции и в определенный период склонялся к каутскианской точке зрения. Заметим, что на сей счет существовал аргумент, еще не подвергнутый критическому анализу.

Речь идет об извлеченной из архива Плеханова в начале 30-х годов рукописи статьи «Об экономическом факторе». В ней он пытался обосновать, имея в виду Струве и Булгакова, возможность оставаться «учениками» Маркса в социально-экономической области, невзирая на приверженность к кантианской гносеологии. «Неокантианец, — писал он, — признающий справедливость экономической и философско-исторической теории автора „Капитала“, в этих пределах может быть таким же последовательным и верным учеником этого знаменитого мыслителя, как и любой из современных материалистов, т. е. тех, кто следует за автором „Капитала“ также и в философии»²².

Но коли так, то не следует ли признать более чем справедливым вывод о том, что «в 1897—1898 гг. Плеханов... придерживался ошибочного суждения, будто бы марксизм можно безболезненно сочетать с кантианством»?²³. Однако в свою очередь такой вывод идет вразрез с той систематической критикой, которой Плеханов подвергал кантианство уже с конца 80-х годов и в течение всей первой половины 90-х годов, и с той теоретической кампанией против Э. Бернштейна и К. Шмидта, которую в этот же период он начинал развертывать. Налицо удивительное противоречие, без разрешения которого нельзя внести окончательную ясность в вопрос о понимании Г. В. Плехановым соотношения между марксизмом и кантианством.

²⁰ Плеханов Г. В. Соч., т. VIII, с. 386. Возвращаясь к этому вопросу в направленной против А. Богданова статье «Materialismus militans», Плеханов заявил: «Я заранее объявляю себя готовым отвергнуть все те свои гносеологические взгляды, которые оказались бы противоречащими этим основам (марксистской теории познания. — Авт.), — до такой степени я твердо убежден в непоколебимой правильности этих последних» (соч., т. XVII, с. 46).

²¹ Чагин Б. А. Указ. соч., с. 32.

²² «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. IV, с. 146.

²³ Попов С. И. Борьба В. И. Ленина против неокантианской ревизии марксистской философии и значение этой борьбы для современности. — В сб. «Очерки по истории философии». М., 1960, с. 179.

Прежде всего, отметим, что Плеханов в указанной рукописи категорически подчеркнул принципиальное различие философских взглядов «ортодоксальных» и «легальных» марксистов, указав, что «правы материалисты»²⁴. Далее, он ставит вопрос отнюдь не о возможности «безболезненного совмещения» кантианства и марксизма как теорий, но о возможности сочетания кантианской гносеологии с историко-материалистическими позициями в пределах личного мировоззрения человека, притом в определенных условиях. Плехановская постановка вопроса, на наш взгляд, уязвима, несколько двусмысленна, но позволяет предположить, что Плеханов «колебался» вовсе не по отношению к кантианской гносеологии, а по отношению к самим «легальным марксистам».

Самое важное, однако, заключается в другом: вряд ли эти, пусть написанные рукой самого Плеханова, соображения можно считать адекватным выражением его теоретической позиции. Дело в том, что они содержатся лишь в первом варианте статьи, так и оставшемся в столе автора. Для публикации же в журнале «Новое слово» (не осуществленной по причине закрытия журнала) Плеханов представил совсем иной вариант, изъяв из него все сомнительные утверждения. Видимо, движимый стремлением прикрыть слабые пункты в позиции союзника по борьбе с народничеством, Плеханов попытался было пойти на известный теоретический компромисс, но убедился, что это для него невозможно. Таким образом, цитируемый и в нашей научной литературе вариант статьи Плеханова никак не может служить источником для характеристики его подлинной теоретической позиции. Этот вариант должен рассматриваться не как итог мысли, а лишь как одна из промежуточных ступеней движения философской мысли автора, на которое к тому же повлияли определенные тактические соображения.

В историко-философской литературе нередко подвергается критике плехановская трактовка вопроса о соотношении марксистского и домарковского материализма. Плеханова упрекают в том, что он будто бы смазывает качественное различие между ними, отождествляя марксовский материализм с фейербахианством, спинозизмом и т. д. Отдельные формулировки Плеханова (в одних случаях их называют неосторожными, а в других — просто ошибочными), казалось бы, дают основания для такого упрека. Однако известно, что принципиальная позиция Плеханова заключалась в утверждении марксистского диалектического материализма как качественно нового, революционного шага в развитии философии.

Говоря о противоречиях во взглядах или заявлениях мыслителя такого уровня и масштаба, нельзя ограничиваться простой констатацией противоречий, необходимо выявить их причины и значимость. Ключ к уточнению смысла многих настораживающих исследователей формулировок лежит в природе плехановской полемики. Плеханов, как справедливо заметил Б. А. Чагин, «был величайшим полемистом»²⁵. И это проявлялось не только в остроумных репликах и темпераментном стиле (дочь К. Маркса говорила, что стиль Плеханова похож на стиль ее отца). Плеханов владел целым арсеналом разнообразных полемических приемов; нередко он стремился показать тщетность претензий оппонента на эрудицию, выявить его философский дилетантизм, подвить его собственными громадными знаниями. Употреблял Плеханов и прием временного присоединения к логике противника с тем, чтобы в определенный момент взорвать ее изнутри. В этих (и аналогичных) случаях и возникали в его произведениях такие формулировки, которые в отрыве от полемики могли быть истолкованы как противоречащие его общей позиции.

²⁴ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. IV, с. 147.

²⁵ Чагин Б. А. Указ. соч., с. 8.

В качестве недостатка плехановской критики В. И. Ленин отмечал, что он критиковал махизм «более по-фейербаховски (и по-бюхнеровски), чем по-гегелевски»²⁶. Неправомерно, однако, этой ленинской оценкой подкреплять тезис о близости плехановского материализма к фейербаховскому, а тем более к бюхнеровскому. Речь у Ленина идет не о сущности плехановского материализма, а лишь о методах критики им махизма. В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин неоднократно выступал против стремления махистов приписать марксистскому (и плехановскому, в частности) материализму механистический характер.

Остановимся, наконец, еще на одной проблеме, по отношению к которой негативистские тенденции в оценке Плеханова сказываются с особой силой. Речь идет о причинах сравнительно длительного воздержания Г. В. Плеханова от критики струвистских концепций. Именно это пресловутое «молчание» служило доводом в пользу тезисов о «зародышах меньшевизма» и «прокантианских слабостях» в его мировоззрении.

Здесь связываются в единый узел предвзятые суждения об «ошибочных» социологических, гносеологических и практически-политических позициях Плеханова в 90-е годы. Такая «комплексность», когда одно обвинение поддерживает другое (кстати, нередко противоречащее первому), приводит к тому, что историческая и теоретическая «вина» Плеханова начинает выглядеть не только бесспорной, но и крупной. Вероятно, ни по одной проблеме плехановского наследия не накоплено столько ложных аргументов, столько мнимых, но претендующих на реальность фактов, как по этому! Утверждают, будто Плеханов обходил своей критикой Струве, поскольку видел в нем представителя союзной либеральной буржуазии. Впрочем, утверждают и обратное: якобы он «не разглядел буржуазно-либерального нутра» Струве. Здесь используется произвольность выбора, неадекватность истолкования тех или иных высказываний В. И. Ленина и Г. В. Плеханова с целью создать видимость их глубоких идейных разногласий по вопросу о «легальном марксизме». Тактические или организационные расхождения Ленина и Плеханова превращаются в идеологические разногласия. Мысли Плеханова излагаются так, что происходит временной сдвиг, долженствующий показать, сколь поздно и только под воздействием В. И. Ленина Плеханов пришел к правильной оценке струвизма, с трудом согласился на его критику, и многое другое...

Собранные воедино, эти стереотипы создавали видимость такой убедительности, что сдерживали возникновение самой критической мысли о них, тем более что тактика Плеханова по отношению к «легальному марксизму» была далеко не безупречна. Нельзя, конечно, забывать, что она связывалась с пониманием Плехановым характера назревающей русской революции, однако гораздо более сложным образом, чем это нередко представляют. Не говоря уже о том, что тезис о «бережности» Плеханова к Струве как либеральному союзнику повторяет развешанный миф о боязни Плеханова «запугать либералов», эта мысль неверна и по существу. «Легальные марксисты» в 90-е годы рассматривались В. И. Лениным и Г. В. Плехановым не как либералы, но как буржуазные демократы, каковыми они в тот период и являлись²⁷. Неправомерно поэтому толковать слова Плеханова о необходимости поворота к либералам лицом, а не спиной как конфликт его с Лениным по вопросу об отношении к Струве. К тому же, как известно, Ленин и Струве только что заключили между собой тактический союз, резуль-

татом которого было участие в совместном сборнике. Скорее всего, мысли Плеханова были навеяны привезенной В. И. Лениным за границу работой «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?».

Ошибочно также представление о резком расхождении Плеханова с Лениным в оценке книги Струве. По воспоминаниям П. Б. Аксельрода, они с Плехановым с чрезвычайным одобрением встретили ленинскую работу о книге Струве. Хотя Плеханов в «Монистическом взгляде» и выступил с репликой в защиту Струве от нападок Н. К. Михайловского, но если присмотреться внимательно, то обнаружится, что эта «защита» была весьма дипломатичной и содержала изрядную дозу подспудной критики.

Заслуживает корректировки и, казалось бы бесспорный, тезис о «молчании» Плеханова. Уже в написанной вскоре после появления философских статей Струве и Булгакова работе «О роли личности в истории» Плеханов, хотя и вскользь, не называя имен, но совершенно категорично высказал свое несогласие с «некоторыми» авторами, солидаризовавшимися с критикой марксизма Штаммлером²⁸. В опубликованном несколько месяцев спустя в немецкой печати «Открытом письме к Каутскому» Плеханов подчеркнул, что наряду с Бернштейном «еще и другие из наших ученых товарищей находят мимоходом удовольствие от того, что даже к самому Марксу они могут „критически“ относиться»²⁹. Намек на Струве, игравшего в тот период в социал-демократе, недвусмыслен. А между тем в статье остро ставился вопрос: «Кому жем быть похороненным: социал-демократии Бернштейном или Бернштейну социал-демократией?»³⁰ Струве, как явствует, в частности, из переписки В. И. Ленина с А. Н. Потресовым, весьма бурно отреагировал на эту постановку вопроса³¹. Добавим к этому, что уже в 1898 г., не решив еще, стоит ли ему выступать специально против неокантианских тенденций в русской общественной мысли, Плеханов поручает это сделать своей ученице Л. И. Аксельрод (Ортодокс). И наконец, как правильно отмечают М. Иовчук и И. Курбатова, во второй половине 1899 г., после выхода в Германии на немецком языке программной статьи Струве «Марксовская теория социального развития», Плеханов начал готовить ряд публикаций против ее автора.

Необходимо возразить и против традиции трактовать выраженное в письмах Потресову удивление В. И. Ленина по поводу «молчания» Плеханова как недовольство, а тем более как возмущение. В письме А. Н. Потресову от 27/VI 1899 г. В. И. Ленин сообщает, что, прочитав книгу «восхваленного нашими кантианцами (П. Струве и Булгаков)» Штаммлера, прочитав и перечитав «с великим удовольствием» работу Плеханова «Очерки по истории материализма», а также его статьи против Бернштейна и Шмидта, он «решительно встал на сторону мониста». Одновременно он негодует по поводу того, что в издаваемом «легальными марксистами» журнале «Начало» появилась написанная с кантианских позиций «неприлично-бессодержательная и неприлично-надменная» рецензия на книгу Богданова. Высказанное в этом контексте удивление тем, что Плеханов не реагирует на философские «искажения» лидеров «легального марксизма» не может трактоваться как осуждение. Оно остается именно удивлением. «Не объясните ли Вы мне этого?» — спрашивает Ленин у Потресова³².

Из всех этих фактов следует бесспорный, на наш взгляд, вывод, что сознательное самоограничение и даже воздержание Плеханова от кри-

²⁶ В. И. Ленин. Философские тетради. М., 1969, с. 161.

²⁷ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, с. 96; Плеханов Г. В. Письмо Засулич В. И.— «Ленинский сборник», т. III, с. 186.

²⁸ Там же, с. 35.

²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, с. 33.

³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, с. 31—32.

тики струвизма диктовалось отнюдь не мировоззренческими, но тактическими соображениями. Среди «многих и многих причин», говоря словами Плеханова, часто вынуждавших его «воздерживаться от этого удовольствия»³³, определенное место некоторое время занимали и надежды на возможную эволюцию Струве в сторону последовательного марксизма. Надежды, кстати, не так уж необоснованные для того переходного времени. Прodelал же серьезную идейную эволюцию ближайший друг и единомышленник Струве А. Н. Потресов, ставший социал-демократом, одним из редакторов «Искры». Отошел от кантрианства и встал на позиции философского материализма будущий видный большевик Ф. Ленгник. Да и сам Струве под влиянием ленинской критики и подъема рабочего движения на некоторое время перекрасился в социал-демократа и даже явился автором «ортодоксального» манифеста I съезда РСДРП. Струве, как он признал позднее, был в этот момент неискренен, шел против своих убеждений, но Плеханов этого знать не мог³⁴.

Дело, таким образом, не только в «теоретических надеждах». Плеханов в статье против Струве, выдвинув этот аргумент на первый план, руководствовался, надо думать, интересами полемики, равно как он умалчивал в публичных выступлениях о целом ряде других моментов. Следует помнить также о плехановском понимании иерархии и очередности задач идеологической борьбы на этом этапе, о сложности распознавания реальных политических интересов, сдвинувших на определенный период влево лидеров «легального марксизма» (они к тому же осыпали плехановцев заверениями в полной солидарности с ними по общественным вопросам), наконец, неполной ориентированности находившегося за рубежом Плеханова в отношении между струвистами и руководителями «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

И в этой связи не надо преуменьшать также роль пользовавшегося большим доверием Плеханова А. Н. Потресова, который систематически выступал ходатаем за «легальных марксистов». Когда при личной встрече в Женеве летом 1900 г. Плеханов говорил о том, что ему было «приказано не стрелять в Струве», не поверивший Плеханову Ленин еще не ведал о многих самостоятельных инициативах Потресова, принимавшихся Плехановым за выражение общей позиции руководителей «Союза борьбы». Выражая позднее в письме к Ю. О. Мартову сожаление, что в свое время он «не разнес» Струве, Плеханов подчеркивал, что он не сделал этого, «уступая настояниям А. Н.» (Потресова)³⁵.

Выявить и проверить все факты и комплекс причин, помешавших Плеханову своевременно выступить против ревизионизма Струве — задача сложная, и она еще ждет своего решения.

Ждут дальнейшей разработки и многие другие аспекты теоретической и публицистической деятельности Плеханова.

Книги Б. А. Чагина и М. Иовчука и И. Курбатовой завершают целый период в изучении теоретического наследия Г. В. Плеханова, свидетельствуя о принципиальном преодолении в нашей науке как апологетического, так и негативистского отношения к личности, деятельности, идеям первого русского марксиста, об утверждении непредвзятого и делового подхода к ним. Все это позволяет надеяться, что плехановское теоретическое наследие будет приобретать все большее значение как в решении исследовательских задач, стоящих перед современной марксистско-ленинской социологией, так и в той идеологической борьбе, которую ныне ведет марксизм-ленинизм против буржуазных и ревизионистских теорий.

³³ Плеханов Г. В. Соч., т. XIII, с. 39.

³⁴ «Slavonic and East European Review». 1934, № 41, p. 75.

³⁵ «Социал-демократическое движение в России. Материалы», т. I. ГИЗ, 1928, с. 186.